

КУЛЬТУРА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУПЧЕСТВА ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.

CULTURE BUSINESS MERCHANTS
VLADIMIR PROVINCE
IN THE LAST QUARTER
OF XVIII - FIRST HALF XIX CENTURIES

N. Kipryanova

Annotation

The article discusses the development of a culture of entrepreneurial activity of the provincial merchant class. Professional development (business) ethics occurred in parallel with the formation of the class. This process is hindered by the imperfection of the legislative framework and underdeveloped capitalist relations.

Keywords: merchants, entrepreneurial culture, the end of XVIII – first half XIX centuries.

Киприянова Наталия Владимировна
К. ист.н., доценткаф. истории,
археологии и краеведения Владимирского
государственного университета

Аннотация

В статье рассматривается вопрос становления культуры предпринимательской деятельности провинциального купечества. Развитие профессиональной (предпринимательской) этики происходило параллельно с формированием самого сословия. Данный процесс тормозился несовершенством законодательной базы и неразвитостью капиталистических отношений.

Ключевые слова:

Купечество, культура предпринимательства, конец XVIII – первая половина XIX вв.

В последние десятилетия значительно возрос интерес отечественных историков к изучению социокультурных явлений в российском обществе. Исследователи осознали важность не только экономических и политических факторов, но и значения культурного развития, мотивов поведения различных социальных групп на отдельных этапах исторического процесса.

Представленная статья посвящена становлению деловой культуры и профессиональной этики купечества Владимирской губернии в последней трети XVIII – первой половине XIX в. Деловая культура – это комплекс знаний, норм и ценностей, регулирующих профессиональную деятельность той или иной социальной группы. Сюда включаются также конкретные формы и методы взаимодействия людей при решении деловых вопросов [52, 18], в том числе – использования рабочей силы, применения принудительного или вольнонаемного труда. Этот вопрос традиционно относят к социально-экономической сфере. Социокультурным аспектом в нем выступают формы и способы взаимоотношений работника и хозяина (нанимателя), стандарты трудовых операций, принципы трудовой морали, а также возможность воздействия этих факторов на нравственный потенциал общества. Важнейшим социокультурным аспектом предпринимательской деятельности купечества считается совершенствование

производства путем внедрения технических достижений, использование цивилизованных форм кредита. Успех всей предпринимательской деятельности купцов во многом определялся именно деловой культурой, которой они обладали.

Дореволюционная историография проблемы деловой культуры не рассматривала. Основное внимание уделялось юридическим аспектам личного найма, не касаясь его экономических и социокультурных характеристик [29; 39; 48; 54; 55]. На рубеже XIX – XX вв. был поставлен вопрос о положении рабочих [28; 53], но он никак не связывался ни с началом промышленного переворота, ни с зарождением общественных противоречий.

Для советских историков центральной проблемой стало формирование пролетариата и его борьба за свои права [24; 42; 50]. Впоследствии было обращено внимание на профессиональную этику купечества [31; 44], предпринято комплексное рассмотрение всех мероприятий царизма в сфере торговли и промышленности, способствовавших повышению деловой культуры [36]. Появились также работы о становлении торгово-промышленного законодательства Российской империи [47; 51].

Предпринимательская культура купечества Влади-

мирской губернии формировалась под влиянием особенностей экономического развития региона. Вследствие ограниченного объема в статье будет рассмотрено только два аспекта формирования деловой культуры – отношение купечества к рабочей силе и внедрение технических усовершенствований в производство.

Представление о формирующейся деловой культуре купечества дают наказы горожан в Уложенную комиссию 1767 г. Критикуя дворянство за организацию текстильных мануфактур, купцы со знанием дела рассуждали о необходимости изготовления в России полотен высокого качества. Суть вопроса состояла в том, что большое количество льна и пеньки отправлялось на экспорт. За границей "российский продукт" перерабатывался "по тамошней манере" в различные "знатные товары", а затем вывозился обратно к российским портам. Цена изделий из переработанного российского сырья возрастала "едва не в двадцать раз", а при продаже внутри России "еще и свыше того". Подобная ситуация, по мнению купцов, ущемляла государственные интересы, ибо тот капитал, который иностранцы "в прибыль себе получают, действительно оставался бы в России". Однако "правлящие экономию" помещики, имея в своем распоряжении леса, земли и собственную бесплатную рабочую силу, не стремились производить продукцию высокого качества. Они предпочитали заниматься торговлей, причем продавать преимущественно сырье [20, с. 396].

Подобная постановка купечеством вопроса – преобладающее развитие обрабатывающей промышленности вместо поставок за границу сырья – свидетельствовала не только о рациональном подходе к государственным интересам, но и о понимании важности своего "дела", формировании предпринимательской деловой культуры.

Промышленный профиль Владимирской губернии начал складываться еще в XVII в. и сформировался в основных чертах в XVIII столетии.

Одной из традиционных отраслей промышленности на данной территории было кожевенное производство. До середины XVIII в. производимая на предприятиях юфта пользовалась высоким спросом и носила название "русской кожи". Через Санкт-Петербург ее в больших количествах отправляли за рубеж, особенно в Англию [16, с. 1–25]. Прибыль от ее продажи составляла приблизительно 22 %, и это был третий по прибыльности товар после железа и полотна [56, с. 71]. К середине 80–х гг. XVIII в. во Владимирской губернии насчитывалось 98 кожевенных заводов, из них 70 – в городах [23, табл.А]. Это составляло приблизительно 11,5 % от всех учтенных кожевен России [32, с. 182; 53, с. 42]. Подавляющее большинство заводов были мелкими заведениями, где в процессе производства принимали участие и сами хозяева, и

члены их семей. Наемных работников было обычно немного – от 1 до 7 чел. [32, с. 182]. На всех предприятиях губернии их насчитывалось в это время всего 325 чел. [32, с. 209–212].

С началом промышленного переворота в Европе "русская кожа" стала постепенно уступать по качеству зарубежной, экспорт юфти постоянно падал, и к середине XIX столетия сократился более чем в четыре раза. Во Владимирской губернии к 1862 г. остался 41 завод [17, с. 63]. Доведению отрасли до плачевного состояния частично способствовала и политика правительства, которое решило выпуск за границу сырых кож. Иностранцам было выгоднее покупать по более низкой цене невыделанную кожу и поставлять ее собственным промышленникам.

Купцы, получая стабильно высокую прибыль на протяжении длительного времени, не торопились вкладывать дополнительные капиталы в производство, в том числе – для внедрения технических усовершенствований. Современники отмечали, что способы обработки кожи "и поныне остаются в первобытном состоянии, упорно чуждаясь всех современных улучшений". Поэтому постепенно кожевенная промышленность переместилась из города в уезды, снабжая преимущественно сельского потребителя недорогими товарами. Заводы были "разбросаны по всей губернии и находились в плохом состоянии, потому что заводчики не заботились об улучшениях". Низкое качество продукции не смущало "комиссариатское ведомство", которое продолжало закупать кожу для шорно-седельной промышленности, армейских ранцев и проч. [13, с. 237].

Ведущей отраслью индустрии в регионе являлась текстильная, преимущественно полотняная, промышленность. Активное развитие купеческих мануфактур началось с 70–80–х гг. XVIII в. К началу XIX в. во Владимирской губернии образовалось несколько центров по производству полотна: Шуя (14 предприятий), Юрьев-Польской (11 предприятий), Вязники (10 "фабрик"). Однако во второй четверти XIX в. полотняное производство в России в целом вступило в затяжной кризис. Основными его причинами были относительная дешевизна английского полотна по сравнению с российским и активное развитие хлопчатобумажной промышленности.

К середине XIX столетия в губернии насчитывались 41 ситцевая и 33 миткалевых "фабрики" [13, с. 237; 18, с. 327]. Их владельцами были представители наиболее зажиточных и родовитых купеческих семей: Барановы, Дунаевы, Зубовы, Корниловы, Масленниковы, Овсянниковы, Шевелкины, Шиловы и др. [22; 21; 40, с. 47; 46, с. 31–34]. Ф. Баранов первым ввел в России способ крашения хлопчатой бумаги мареной [13, с. 267], основав

заведение для окраски пряжи в ярко-красный, "адриано-польский" цвет. Его сын для удешевления производства даже пытался самостоятельно разводить марену под Дербентом [38, с. 104]. Количество же полотняных предприятий в это время сократилось до 28 "фабрик" [13, с. 260–294; 18, с. 327]. Современники отмечали, что льняные изделия "в качествах своих уже совсем не тот товар... и в тканях и в красках они далеко уступают изделиям тридцатилетней давности" [15].

Использование купцами технических новинок за исследуемый период во Владимирской губернии встречается всего один раз – в текстильной отрасли. Вязниковский купец Г.С. Елизаров первым в России ввел на своем предприятии механическое прядение льна, для чего из Англии были выписаны и установлены специальные машины. Впоследствии он механизировал и полотняные фабрики, на которых стали использовать механические ткацкие станки и паровую машину [30, с. 2]. Это помогло ему в период кризиса полотняной промышленности не только сохранить экономические позиции, но и расширить производство.

Таким образом, активного стремления к усовершенствованию производства купцы не проявляли. Это было связано не только с личными предпринимательскими качествами, определенной инертностью мышления, привычкой действовать "как отцы и деды", но и с нехваткой средств: внедрение новых технологий, закупка машин требовали денег, которых у подавляющей массы купечества не было.

Отношения предпринимателей и работников в конце XVIII – первой половине XIX вв. строились в непростых условиях, когда при сохранении крепостничества объективно возникали элементы буржуазного строя, начинался промышленный переворот. Требовалась определенное время, чтобы осознать новые реалии, в том числе – и систему общественных отношений в сфере производства, частью которых становился "рабочий вопрос".

Применительно к указанному периоду о "рабочем вопросе" можно говорить лишь условно. Основной проблемой и для правительства, и для предпринимателей являлось обеспечение промышленных заведений рабочей силой. Несмотря на многочисленные просьбы в Уложенную комиссию 1767 г. о восстановлении права покупки крепостных, правительство в течение длительного времени не шло ни на малейшие уступки. Единственное, чего смогли добиться купцы, это сохранить уже имеющихся крепостных рабочих за своими предприятиями. Сенатский указ 1786 г. подтвердил разрешение оставлять при мануфактурах тех рабочих людей, которые были приобретены до запрещения в 1762 г. лицам недворянского происхождения использовать крепостной труд [45, с.

364].

В 1798 г. право покупки "к заводам и фабрикам крестьян с землею и без земли" для купцов было восстановлено. В указе подчеркивалось, что правительство пошло на этот шаг для того, чтобы "из купцов заводчики и фабриканты" могли "распространить свои заводы на пользу собственную и государственную" [12]. Некоторые мануфактуристы воспользовались этим правом. В частности, шуйский "фабрикант" Носов в 1800 г. приобрел 363 чел. в 10 деревнях [14, с. 16].

Использование труда крестьян-отходников не позволяло наладить бесперебойную работу предприятий. В летнее время на мануфактурах резко сокращалась производственная деятельность. Владелец крупного полотняного предприятия (151 стан, 236 наемных работников) вязниковский купец И.В. Водовозов в 1803 г. сообщал в Мануфактур-коллегию, что его заведение простаивало 4–5 мес. в году "в сенокосное время" [33, с. 34]. Даже к концу 30–х гг. XIX в. "Журнал мануфактур и торговли" отмечал, что крупные предприятия делались безлюдными с мая по август, "ибо в эти месяцы работники расходятся по деревням" [45, с. 267]. Постоянные вынужденные остановки производства в значительной степени тормозили развитие предпринимательской культуры. Владельцы предприятий были вынуждены постоянно заниматься поисками рабочей силы, которая не имела необходимых производственных навыков.

Запрет на покупку крепостных и нехватка рабочей силы вызывали стремление "обойти" закон. Так возникла практика своеобразной аренды крепостных. Схема была довольно простой. Дворяне в счет своих долгов или просто по договору отдавали "в работы" купцам своих крестьян или дворовых, иногда целыми семьями. Отдавали "на завод" и детей. При "отдаче" заключался контракт, в котором оговаривалась оплата за произведенную работу и ряд дополнительных условий.

Деньги за работника (100 – 120 руб. в год за человека) получал владелец крестьян, за ребенка родители получали от 12 до 18 руб. Переданные "в работу" находились на содержании нанимателя [8, Л.1]. По условиям договора работнику предписывалось "жить при заводе неотлучно", "быть во всем послушну", не воровать и "с воровскими людьми не знатца", "в карты не играть". Уже перечисление этих условий характеризует качество рабочей силы, которую использовали купцы. В случае самовольного ухода работника с завода его владелец (или родители ребенка) должны были выплатить нанимателю неустойку – 500 руб. [7, Л.1 об; 6, Л. 37]. В случае причинения нанимателю ущерба наемного работника могли отказать "в зажив" [2, Л. 4 об.].

Иногда на заводы нанимались мещане. При таком

вольном найме работник приобретал одежду и питание за свой счет. Оплата труда доходила до 40 руб. в год [6, Л. 37 об.; 7, Л. 2].

Практика заключения договоров с предпринимателями от имени владельца крестьян, а не самого работника, вызывала недовольство и рабочих, и "фабрикантов". Поэтому правительство было вынуждено в 1825 г. издать указ о запрещении помещикам отдавать своих крепостных в заводские работы, а договоры заключать от лица рабочих [36, с. 382].

Не являлось редкостью и переманивание предпринимателями друг у друга рабочих людей. Конфликт между владельцами двух стекольных "фабрик" в Судогодском уезде Владимирской губернии – купцом С.Вороновым и "дворяншей" М. Мальцовой – произошел из-за того, что Мальцова обнаружила на заводе Воронова трех бывших своих крепостных, сбежавших некоторое время назад вместе с семьями. Попытка вернуть крестьян закончилась колоссальной дракой, в которой приняли участие около 40 человек – мастеровые, сотские, судебный заседатель и даже священник [37, с. 62].

Широкую известность получили махинации с рабочей силой в промышленной империи Баташевых. К 90-м гг. XVIII в. братья Баташевы оказались владельцами 15 металлургических и металлообрабатывающих заводов в Рязанской, Тамбовской и Владимирской губерниях. Баташевы активно переманивали к себе мастеровых с других предприятий, выдавая за переход на их заводы по 8 руб. каждому человеку. В 1815 г. в ответ на запрос Московского горного правления о количестве рабочих людей И.Р. Баташев вынужден был уклончиво сообщить, что "по смутным 1812 г. обстоятельствам" он не может отыскать купчих на 279 чел. В 1830-е гг. XIX в. случайно был найден секретный журнал главной заводской конторы. В нем совершенно откровенно рассматривалась возможность "скрыть от правительства значительное количество рожденных от солдаток детей". В деле о "солдатских детях" фигурировало 404 чел. в возрасте от 1 года до 42 лет (только душ м. п.), рожденных солдатками "законно", т. е. при вторичном выходе замуж, и "незаконно", вне официального брака. После долгого разбирательства специальной комиссией было предписано "оставить навсегда в сих имениях" при заводах 104 чел., заплатив за них штраф и "внеся в ревизию" [34, с. 482–483]. Обращает на себя внимание цинизм, с которым предприниматели почти полвека спокойно обманывали государство. Неуплата в течение длительного времени подушной подати за 300 чел. крепостных никак не могла быть замаскирована рассуждениями о "всенародной пользе".

Таким образом, отсутствие развитого рынка рабочей силы, возможность и необходимость использования при-

нудительного труда (крепостных, "отданных в работы") на основе внеэкономического принуждения формировало у купечества стремление обойти закон для уменьшения своих издержек.

Несмотря на сохраняющиеся крепостнические отношения, количество наемных работников постепенно увеличивалось. На предприятиях разных отраслей обрабатывающей промышленности в период с конца XVIII до 20–30-х гг. XIX в. доля вольнонаемного труда составляла от 12–16 % (в бумагоделательном производстве и изготовлении шерстяных тканей) до 86–98 % (хлопчатобумажное, кожевенное, канатное производство) [32; 31, с. 106, 139, 156, 182].

Отношения между промышленниками и наемными работниками требовали определенной законодательной базы. Владельцы предприятий были недовольны качеством работы нанимающихся на мануфактуры крестьян. В защите собственных интересов они надеялись на поддержку государства. С другой стороны, наемные работники не были довольны условиями работы и мизерной оплатой труда, которые существовали на мануфактурах. В 1769 г. при выполнении казенных работ были установлены расценки: по 7 коп. в день плотникам, по 10 коп. – возчикам и по 5 коп. – пешим работникам [1, Л. 381]. Подобные расценки существовали и на частновладельческих "фабриках".

Недовольство условиями труда заставляло рабочих людей бороться за улучшение своего положения. В первой половине XIX в. волнения на предприятиях среди наемных работников еще не были массовым явлением [41, с. 84–87]. В 1822 г. началось "беспокойство между мастеровыми" на заводах Баташева одновременно во Владимирской и Рязанской губерниях. Двое мастеровых, "отлучась самовольно" с гусевского завода, подали владимирскому губернатору прошение "о притеснениях". Массовое недовольство работников было вызвано снижением заработной платы до 7 коп. в сутки. Для выяснения обстоятельств на заводы прибыли сначала представители губернаторов двух губерний, затем сами губернаторы, затем пришлось вызывать воинскую команду. Рабочие во время расследования вели себя "весьма буйно", один из них даже "поднял топор". Двое мастеровых, несмотря на установление жесткого контроля, смогли дойти до Санкт-Петербурга для подачи просьбы министру финансов [4, Л. 2–4 об.].

Показательно, что меленковский уездный суд, в котором рассматривались все обстоятельства дела, вынес решение не применять к мастеровым телесного наказания, "принимая во уважение, что мастеровые некоторым образом были вынуждены к неудовольствию малою платою заработанных денег". В исследовании обстоятельств

дела принимал участие старший советник Московского горного правления. Несмотря на решение суда, он посчитал, что на предприятиях Баташева "плата достаточна" и "не уступает производимой на других заводах" [4, Л. 5 об.–8]. Следует учесть, что между мизерной нормой оплаты труда 7 коп. в сутки, установленной в 1769 г., и такой же нормой 1822 г. лежит дистанция в 60 лет, заполненных войнами и инфляцией.

Ситуацию с размером оплаты труда можно оценить по-разному. В делах городских магистратов и палате уголовного суда Владимирской губернии содержатся бесконечные жалобы на купцов, которые просто не доплачивали наемным работникам часть их заработной платы. Совершенно не важно, что суммы недоплаты могли быть незначительными – 5 руб., 92 руб. или 582 руб. [9, Л. 3–4; 10, Л. 12; 11, Л. 36]. Важно, что деловая этика купца–предпринимателя допускала подобную коммерческую недобросовестность. Случаи обсчета в свою пользу нанимаемых купцами приказчиков, доверенных лиц и привлекаемых рабочих давно отражены в литературе [44, с. 87–112; 27, с. 282; 49, с. 634]. Правда, наемные работники часто платили своим нанимателям той же монетой. Массовость этих явлений зафиксирована в депутатских наказах в Уложенную комиссию.

В то же время, по данным Мануфактур–коллегии на ряде купеческих "фабрик" в различное время отпускная цена продукции была выше продажной. Это означает, что предприятия работали в убыток [33, с. 34–35]. Произведя закупку сырья и выпустив готовую продукцию, в условиях отсутствия технического прогресса купцы могли сэкономить только на одном – заработной плате своих работников.

Стремление мастеровых "добиться правды" любой ценой, вплоть до подачи жалоб в правительство, заставило государство обратить внимание на вновь возникшую проблему. В течение долгого времени забота государства о промышленности проявлялась лишь в намерении обеспечить ее рабочими руками и по мере возможности защитить от иностранной конкуренции. Проблемы регулирования внутренней жизни предприятий, отношения владельцев мануфактур и рабочих людей правительство не интересовало, т. к. большинство работников были крепостными. Только в 30–е гг. XIX в. возникла мысль о необходимости улучшения положения вольнонаемных работников в интересах сохранения "порядка". На этой основе и возник Устав о промышленности, относившийся к серии законов о государственном благоустройстве. В указе от 24 мая 1835 г. были установлены правила найма на промышленные предприятия лиц "податного сословия", получивших паспорт [47, с. 20]. Закон был очень несовершенно и не предусматривал многих ситуаций, возникавших в действительности.

В 1843 г. в хозяйственный департамент МВД была подана записка, содержащая "правила для занимающихся работой на фабриках Владимирской губернии крестьян" [3]. Автором записки был один из представителей промышленников Владимирской губернии Платон Зимин. В Гавриловском посаде ему принадлежали три рассеянные мануфактуры: две хлопчатобумажных (90 станков, 166 наемных работников) и одна полотняная (130 станков, 224 наемных работника) [33, с. 15]. Зимин отмечал, что для населения Суздальского, Юрьев–Польского, Шуйского и других уездов Владимирской губернии работа на "фабриках" (рассеянных мануфактурах) составляет "главный промысел". Нанимаясь на работу, крестьяне, по мнению Зимина, приобретают "безбедное существование", в то время как фабриканты "приходят в разорение по предосудительным поступкам крестьян". Список этих "предосудительных поступков" был весьма внушительным: крестьяне не выполняют в срок работы, вследствие чего останавливается торговля, берут от других фабрикантов заказы и тоже их не выполняют, изготавливают некачественную продукцию, проматывают материалы и скрываются, отрицают получение задатка и требуют дополнительной оплаты, называются чужими именами и т. д. Наказать их невозможно, так как в законе эти проступки не предусмотрены [3, Л. 2,3,15–15 об.]. Поэтому Зимин выдвинул целый комплекс предложений, направленных на усиление ответственности рабочих людей.

Прежде всего, в проекте для урегулирования отношений нанимателей и наемных работников предлагалось условия найма оговаривать в специальном договоре. Существовавшая на рассеянных мануфактурах практика производства предполагала, что в крестьянской светелке работают сразу несколько членов семьи. Поэтому крестьяне при поступлении на работу должны были представить свидетельство "от своего начальства" о числе работников в семействе, о количестве свободного для работы времени, поручительство в хорошем поведении, а также гарантировать ответственность семейства за допущенный брак. Для учета раздаваемого материала и записи договоров фабриканту следовало иметь специальную книгу. Всю выработанную продукцию крестьянину полагалось незамедлительно отдавать владельцу мануфактуры, "ни под каким видом не доводить фабриканта до поездки" до места своего проживания, иначе все дорожные расходы пришлось бы оплачивать самому работнику. Крестьянин не имел права передавать взятое для работы сырье другим, переходить во время действия договора на другое предприятие, производить какую–либо продукцию "собственно для торговли". По требованию предпринимателя "местное начальство" должно было выслать работника в контору для расчета. Отдельно оговаривалась ответственность фабриканта за прием беглого крестьянина. Все споры между владельцем мануфактуры и работником должны были разбираться в словесном су–

де, а в случае необходимости передаваться на рассмотрение в магистрат [З, Л. 19–23 об.].

В своем комментарии к проекту Зимина владимирский губернатор Донауров отмечал, что развитие промышленности в губернии связано с малоземельем, и крестьяне вынуждены искать дополнительные заработки. Вследствие этого следует соблюдать "обоюдные выгоды". В частности, хлебопашец не может заранее определить число свободных дней, которые он мог потратить на работу на предприятии. Нерационально, по мнению губернатора, обременять земскую полицию высылкой крестьян для расчета в контору, так как у полиции достаточно своих обязанностей. Запрещать крестьянам торговать своими товарами "вовсе излишне". Губернатор отдавал себе отчет в том, что крестьяне нанимались на мануфактуру не из стремления приобрести "безбедное существование", а вследствие острой нехватки земли. В объективном рассмотрении конфликтов между работниками и владельцами мануфактур губернатор также не был уверен, фактически обвинив предпринимателей и "контрщиков" (которые часто тоже являлись купцами) в возможных злоупотреблениях вследствие неграмотности крестьян.

Между тем, записка Зимина была переправлена в Московское отделение Мануфактурного совета, где в нее внесли ряд дополнений. Показательно заключение, сделанное членами Совета: "Главное основание благосостояния промышленности есть уверенность в целостности соб-

ственности,веряемой другому" [З, Л. 20]. Эта "целостность собственности", без которой в принципе не могли формироваться буржуазные отношения, являлась методом постоянной заботы купечества, где без помощи государства оно никак не могло обойтись.

С предложениями Зимина были ознакомлены министр финансов и министр внутренних дел. Затем записку передали на рассмотрение в Государственный Совет, и в 1846 г., 2 декабря, был подписан указ, в котором большинство предложений владимирского предпринимателя было учтено.

Таким образом, в сфере "работодатель – работник" на мануфактурах законодательное регулирование отношений долгое время не производилось. При сохранении крепостного права постановка данного вопроса с точки зрения государства не имела смысла. Обращение правительства к этой проблеме было вызвано все усиливающимся стремлением к "отысканию воли" работными людьми. Однако государственная политика имела "карательный" оттенок. Купечество, тесно связанное с производством, продемонстрировало более взвешенную позицию, хотя и стремилось всемерно защитить свои интересы.

Реальное понимание всех нюансов "внутрипроизводственных" отношений позволило купцам проявить инициативу и в определенной степени "подтолкнуть" законодательство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный архив древних актов (Далее: РГАДА). Ф. 259. Оп. 1. Кн. 3800.
2. РГАДА. Ф. 745. Оп. 1. Д. 59.
3. Российский государственный исторический архив (Далее: РГИА). Ф. 1287. Оп. 6. Д. 87.
4. РГИА. Ф. 1345. Оп. 99. Д. 130.
5. РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 26
6. Государственный архив Владимирской области (Далее: ГАВО). Ф. 22. Оп. 2. Д. 1.
7. ГАВО. Ф. 92. Оп. 6. Д. 21.
8. ГАВО. Ф. 92. Оп. 6. Д. 177.
9. ГАВО. Ф. 93. Оп. 1, т. 2. Д. 1284.
10. ГАВО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 1.
11. ГАВО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 6.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XXV. – СПб.: Типография II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1830. – № 18442.
13. Военно-статистическое обозрение Российской империи. издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении департамента Генерального штаба. – СПб.: Типография департамента Генерального штаба, 1852. Т. VI. Ч. 2.–319 с.
14. Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Кн. IV. – Владимир: Тип. губерн. правления, 1913. – С. 10–30.
15. Исторический взгляд на промышленность г. Суздаля и его уезд // Владимирские губернские ведомости. – 1867. – № 15 (часть неоф.).
16. Лядов И. Топографическое описание Владимирской, Суздальской, Переславской–Залесской и Юрьев–Польской провинции городов в 1760 годах // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Т. III. – Владимир.: Тип. губерн. правления. 1880. – С. 1–25.
17. Памятная книжка Владимирской губернии на 1862 год.–Владимир: Тип. губерн. правления, 1864. – 125 с.
18. Памятная книжка Владимирской губернии за 1864 год– Владимир: Тип. губерн. правления, 1866. – 347 с.

19. Сборник Русского исторического общества (Далее: Сб. РИО). Т. 8. Предисловие Д.В. Поленова. – СПб.: Тип. Лебедева. 1875.
20. Сб. РИО). Т. 107. Под редакцией В.И. Сергеевича. – СПб.: Тип. Лебедева. 1900.
21. Список фабрикантов и заводчиков Российской империи. 1832 г. – СПб., 1833. – С. 80–99.
22. Статистика города Юрьева-Польского // Владимирские губернские ведомости. – 1838. – № 44 (часть неоф.).
23. Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 г. с приложением одного рисунка // Под ред. Г.А. Рязского.– Владимир: Изд. Владимирской Ученой архив. комиссии, 1906. – 133 с.
24. Балабанов М. Очерки по истории рабочего класса в России. В 2 ч. Ч. 1. – М., 1926.–218 с.
25. Балицкий Г. Фабричное законодательство в России. – М., 1906. – 247 с.
26. Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева. (формирование антикрепостнической мысли). – М.: Изд. Московского университета, 1965. – 382 с.
27. Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII – XIX вв.: Очерки социальной, отраслевой, бытовой и ментальной истории. –Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – 424 с.
28. Быков А. Н. Фабричное законодательство и развитие его в России. – СПб., 1909.
29. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Ростов н/Д, 1995. – 667 с.
30. Вязниковские купцы и промышленники // Торговая площадь. – 2008. – № 1. – С. 2.
31. Громыко М.М. К характеристике социальной психологии сибирского купечества XVIII в. // История СССР. – М., 1978. – № 3. – С. 58–71.
32. Демкин А.В. Обрабатывающая промышленность России в конце XVIII – начале XIX в. – М.: ИРИ РАН, 2008. – 294 с.
33. Демкин А.В. Полотняное производство в России на рубеже XVIII–XIX вв. – М.: ИРИ РАН, 2004. – 258 с.
34. Демиховский К.К. Источники и пути комплектования рабочей силы на заводах Приокского горного округа в XVIII в. // К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII – XVIII вв.). – М., 1958. – С. 464–486.
35. Заозерская Е.И. Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах в 20 – 60-х годах XVIII в. – М.: АН СССР, 1960. – 276 с.
36. Киняпина Н. С. Политика русского самодержавия в области промышленности (20–50-е годы XIX в.). – М.: Изд-во МГУ, 1968. – 453 с.
37. Киприянова Н.В. Особенности правосознания провинциального купечества в XVIII в. // Провинциальный анекдот: Чтения по региональной казуальной истории. Вып. IV. – Шуя, 2004. – С. 62–67.
38. Кожан А. А. Предпринимательская деятельность купцов Барановых // Рождественский сборник. Вып. 3 –. Ковров: "Маштекс", 1998. – С.103–107.
39. Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи: (XVIII и XIX ст.)/ Под ред. и с предисловием В.Томсинова. – М.: Зерцало, 2004. – 576 с.
40. Монахова О. В. Из истории ковровского купеческого рода Дунаевых // Рождественские чтения. Вып. 1. – Ковров: "Маштекс", 1994. С. 47–54.
41. Нисселович Л.Н. История заводско-промышленного законодательства Российской империи. В 2 ч. Ч. II. – СПб.: Скоропечатня Георга Гюнтца, 1884. – 160 с.
42. Пажитнов К. А. Положение рабочего класса в России. – М., 1924. – 287 с.
43. Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. – М.: Изд. Академии Наук, 1953. – 457 с.
44. Павленко Н. И. О некоторых сторонах первоначального накопления капитала //Исторические записки. Кн. 54. М.: Изд. Академии Наук, 1955. – С. 87–112.
45. Полянский Ф. Я. Первоначальное накопление капитала в России. М.: Изд. социально-экономической литературы, 1958. – 416 с.
46. Попова М. П. На благо Владимирского края. Владимир: Транзит-ИКС, 2011. – 192 с.
47. Поткина И.В. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: XIX – первая четверть XX в. М.: Норма, 2009. – 304 с.
48. Предпринимательское право в рыночной экономике. – М., 2004. – 277 с.
49. Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. – Барнаул: Изд Алтайского ун-та, 1998. – 660 с.
50. Рашин А. Г. Формирование промышленного пролетариата в России. М.: Соцэкгиз, 1940. – 386 с
51. Рыбаков Ю. А. Промышленное законодательство России первой половины XIX в.: (источниковед. очерки). – М., 1986. – 213 с.
52. Сутягина О. А. Деловой и социокультурный облик сибирского купечества в XIX в.: Автореф. дис. ... канд. наук: Исторические науки: 07.00.02/ Томск, 2010. – 21 с.
53. Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Т. 1. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. СПб., 1907. – 419 с.
54. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1915. – 387 с.
55. Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права / по изд. 1914 г. М.: "СПАРК", 1994. – 335 с.
56. Яковцевский В. Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М.: Изд. АН СССР, 1953. – 203 с.